

ДМИТРИЙ БУРАГО

АД

РЫЖИЙ

Солнце не торопилось закатываться. Расположились иноки за садовым столиком старенькой избёнки. В монастырь вернуться уже не представлялось возможным: там разместили какое-то военное оборудование, так как высота, по словам солдата с шевроном «Кролик», была «то, що треба». Слава Богу, один прихожанин тихонько предложил для обескураженной братии две комнаты с отдельным выходом на задний двор. В большей из них оборудовали походный престол. Уклад владыка не поменял. Только приняли иноки на себя по очереди сухой пост и ждали.

Тогда, при обыске, в потайном кармашке подрясника у Рыжего обнаружилась красная пасхальная ленточка. Били коротко, незлобно, но так, чтоб и тени сомнения не осталось: это конец. Вся ненависть к русским попам выплеснулась на чёрный узел, в который судорожные пальцы заталкивали голову. Рыжего бросили в багажник, облепив для верности скотчем, а остальных насельников сфотографировали и тут же вывесили в соцсетях на обозрение – вот они, наводчики, коллаборанты.

За дни трепетных молитв и горьких предчувствий Рыжего почти что похоронили. И тут – чудесное возвращение. Он буквально выпрыгнул из джипа, инстинктивно махнул рукой водителю, поклонился и замер. «Скажи спасибо своему знакомому, а то бы никакой Бог тебе не помог, у нас с такими строго, бывай!» – по-приятельски резюмировал солдатик, и, развернув машину, запыхавшись восвояси.

Мокрые от слёз глаза владыки встретились с лёгкой улыбкой Рыжего, и в них мелькнуло недоумение.

– Владыко, лучше бы я там остался. Там, в подвале, Он всё время со мною был. В глаза смотрел, когда муть сознание моё застилала – не оставлял. Вот как вас всех сейчас вижу, так и Его, только ясней. Он...

Казалось, сам мир затаил дыхание.

– Он же не меня жалел. Он боль мою принимал, зубы сжимал, Сам в слезах был. А мне-то как? На его мучения как смотреть? А они, глушенькие, смертью стращают. Молился о них, только чтоб Ему легче было. Выходит, что Он за нас не только тогда, Он и теперь всё это за нас принимает. И как после этого быть? Обратно хочу. Никогда так светло и просто не было, как там.

На следующий день монахи двинулись в путь, чтоб не упала тень на сердобольного прихожанина. А Рыжий время от времени оглядывался, приотставал, потом словно что-то припомнив, припускался догонять владыку.

АД

– Что ты меня адом путаешь, что крестишься? Мы сами уже в аду: здесь фирменный ад, где лучше сыщешь? То жара, хоть броник стаскивай, то морозец, что твой голубой и маленький. Грязь, кровь, дурь, суки вокруг, а мне хорошо. Прижился, освоился с этой мерзостью. А дома я кто? В трамвае меня любой пассажир мог подвинуть. Толиком кликали, Толиком за столиком. А здесь я Зебр, и никакая падаль не посмеет подшутить. Здесь я сам решаю вопросы жизни и смерти. Разрядка всегда полная. И ты вот мучаешься. А сколько тебе отведу, столько и будешь мучиться. Никто не осудит. Умрёшь через час-два или вмиг? Какая разница. Ад, говорю, здесь. И смерти не страшно, если есть ещё другой ад, то как раз для нас, считай, что и не умирали тогда. А вот рай – другой разговор. В рай – пуше самых зверских пыток боюсь. Ну как я там глаза открою? Подниму их, а на меня Богородица смотрит. Вот тебе казнь так казнь! Я сам себя видеть не могу, презираю до корней волос, а тут Она на меня смотрит. Его не боюсь, Он тоже в аду побывал, когда предали Его и на Кресте замучили. С Ним объяснюсь, Он поймёт, а что Ей сказать, как просить за себя? Она же пожалеть может, сжалится – так я и гореть буду в этой жалости хуже, чем в любой геенне огненной! Не надо мне этого рая! В ад хочу, чтоб света в глазах не видеть, чтоб все такие же, а может, и хуже. Мог же тебя спасти, успел бы, но замешкался с этим пленным. А у него ничего особенного, как у всех: фотокарточки, дурь да чуток денег. Самое ценное в нас теперь не душа –

обмундирование, так у меня, поди, лучше, чем у него. А ты тем временем сник, сдрейфил. Теперь укол не поможет – себе оставляю. А ты умирай, умирай, недотёпа. Только никакого рая не нужно, запомни. А я пока с тобой посижу, провожу тебя.

ВАНЬКА

– Отец почти не носил орденов и колодок. Если уж и приходилось, то это была совершенная необходимость. Он говорил, что на войне любой солдат совершает подвиг, когда идёт в атаку, лезет на верную смерть и бежит к ней навстречу, потому что это против самой природы. Преодолеет животный страх – уже герой, а ордена, медали – это всё потом и не всегда по делам-заслугам. Кто больше отличился: лейтенант (их называли Ваньками – Ванька, встань-ка!), который поднимает взвод из окопа, или снайпер, убивший двух вражеских офицеров? Где такие весы – со шкалой героизма? А средняя продолжительность жизни Ваньки на передовой десять дней. Героическая скоросмертность, обыденность солдатская. Этим и сейчас никого на фронте не удивишь. Шуты не шуты, а в атаку ходить приходится.

Александр улыбнулся, вспомнил о чём-то:

– А вот и второй сюжет! Отец рассказывал, что стояли долго, в землю врылись, а враг совсем близко, так что иной раз слышно, как немчура переговаривается в окопах. У отца музыкальное подразделение было в Уральском десятом гвардейском добровольческом корпусе, музыканты-добровольцы променяли оркестровые ямы на щели да блиндажи. В самодеятельных музыкальных номерах участвовали, для солдат играли на чём приходилось, а тут – аккордеон у немцев завёлся. Вечером тянет его какой-то Фриц, а Наум, с которым папа и записался добровольцем из своего оркестра, загорелся его добыть, сам же Наум – аккордеонист великолепный. Всё изучили, спланировали и поползли к немцам за аккордеоном втроём: мой отец Валентин – скрипач, Наум и Ваня Мозговой. На чём играл Ваня – не помню, может, и ни на чём, товарищами были. Там Ваня Мозговой и погиб, когда под огнём тащили добычу. Наум особенно убивался: его идея, он подбил, а товарищ вот так рассчитался. Но здесь история не оканчивается. Уже в девяностые на каком-то мероприятии познакомился с пожилым музыкантом. Я в то время гастрольные туры по всей стране организовывал. Слово за слово он тем самым Наумом оказался. И аккордеон у него до сих пор – тот, трофейный.

Александр прервался, не сумев сдержать слёзы.

– Понимаешь, аккордеон тот же, о котором папа рассказывал, а Наум его Ванькой назвал. Так мы весь вечер в обнимку и проговорили. Больше и не виделись.

СЕРКО

– Уходи, ну пожалуйста, уходи! Нет другого выхода, понимаешь? Ты же всегда хотел свободы, это я тебя неволила, а теперь вот её сколько – весь мир. Ты умный, ты сам должен всё понять. И не прощай меня, пожалуйста, а то когда прощают – забывают. Это всё рано или поздно кончится, и я вернусь. И тебя обязательно найду, а пока – уходи, выкрутись, найдёшь себе что-нибудь. А в квартире ты долго не выдержишь. Хоть ванну воды наберу и кормов на год вперёд, а не выдержишь. Лучше на улице, пока нет морозов, обвыкнешься. Может, кошку себе какую найдёшь, я же не согласилась тебя стерилизовать, как все советовали, вот намучались мы с тобой, а теперь...

В глаза Серко невозможно было смотреть. Он совершенно не понимал происходящего, дико озирался по сторонам и опять смотрел на свою хозяйку: «Что это? Почему? За что? Какие чужие острые запахи. Хватит всего этого, давай домой». Дверь в подъезд уже захлопнулась, и Людмила с укором смотрела на своего кота.

– Сейчас война, неужели не понимаешь? Я сама не знаю, что будет со мной. Но всё решено. Иди, кому говорят, опаздываю уже.

Людмила развернулась и быстрым шагом покатила за собой бордовый чемодан. Она рыдала почти в голос и не оборачивалась изо всех сил. Только раз, уже издалека взглянула на Серко. Кот, казалось, сделал движение ей вслед, но остановился посреди дороги, царственно сел, как умеет только он, и тоже заплакал, только тихо-тихо, как плачут брошенные игрушки.

ГУСЫНЯ

Гусыня оглядывает свою хозяйку. Чуть отвернув шею в сторону, как-то снизу, словно жалеючи.

– Что ты так смотришь? Зарежу тебя к воскресенью. Ты бы о себе подумала.

А гусыня выпрямила шею, подняла голову и чуть покачивает своим розовым клювом, в глаза хозяйке смотрит, будто что-то там выискивает. По всему её положению видно, что не о том хозяйка думает, не о том. Развернулась гусыня и пошла к своим, что гогочут на проезжающий по дорожке велосипед.

Загрустила хозяйка, задумалась: «Резать – не резать? А если не резать, то как она будет жить сама без семьи своей зимой? В курятнике, что ли?».

Улыбнулась гусыне:

– Или как я?

ДЯДЯ ВАНЯ

«Фантастика какая-то! – думал дядя Ваня, выглядывая из окна комнаты в тёмный город. – Электричество и воду включают лишь на пару часов, а никто не уезжает. Какие хорошие люди вокруг, но...».

Он обратил внимание, что на детской площадке было шевеление, но не разобрать, кто там. «Вряд ли дети. Хотя теперь всё может быть».

Дядя Ваня был совершенно спокоен. Даже когда горел неподалёку дом, он не позволил себе ни на минуту потерять контроль над сознанием. И, когда раздался этот звонок, он тоже выдержал. «Да, сын. Да, он отец. Да, смерть, одна из множества теперь его смерть, личная, нераздельная с Мишкой. Понятно, до похорон нужно было ещё дожить». А за окном продолжали покачиваться качели. Теперь всё продолжалось, как будто в новой серии, где главного героя играет другой актёр.

«Конечно, это ещё ты, но ненастоящий, невзাপравдашний, как и всё теперь».

Думать эту мысль стало скучно, и дядя Ваня отошёл от окна, оглянул черноту, на ощупь обошёл стол, пифоньер, этажерку с пластинками, добрался до дивана и, укрывшись тёплым пуховым одеялом, закрыл глаза. Теперь только сон казался непрзрачным, настоящим. Дядя Ваня представил своего племянника, которому когда-то вслух читал «Маленького принца»: Алёша сидит в грязном окопе и готовится выстрелить в Мишу. Долго, по-детски, старательно целится.

«Война когда-нибудь выдохнется, но зло останется, оно уже укоренилось в нас, как баобабы, большое, фантастическое зло, и не столько ненависть, на неё силы нужны, дерзость, а это вакуум в душе, пустошь такая, что и слов не придумаешь. Никакой барашек уже не поможет. Даже если не Алёша, то всё равно один из них. Но и Миша взял оружие, значит, мог тоже убить Алёшу. Если убрать все реалии, то и подрасть им было незачем, не то что убивать друг друга. Жили себе в параллельных мирах: Мишка в театр, Алёшка в кино, Мишка на футбол, Алёшка на бокс. Только на семейных праздниках и пересекались. А теперь во как!».

И не мог дядя Ваня нащупать зла на Алёшку. «Даже жалко его, дураля, тоже, не ровён час, сгинет ни за что. А Мишки уже нет». Это фантастическое **нет** перекрывало все накатившие невзгоды и при этом было нереально, как тёмный город, сводки с фронта, настороженные соседи. Наконец сон помиловал дядю Ваню. И всё стало как прежде: светло и понятно. За раскосыми шторами солнечное утро, Мишка досаждает яичницу, звонит Алёшка, дядя Ваня снисходительно улыбается и, задев блюдо, опрокидывает чашку, она медленно переворачивается, выплёскивая кофе на стол, и начинается падение, но замирает сразу за скатертью, как на стоп-кадре, только кофейная гуща медленными шлепками падает на пол, а дядя Ваня никак не может поймать, спасти эту чашку и беспомощно смотрит на расползающееся по кафелю пятно.

ФОЛЬКЛОР

– Какая глушь этот фольклор. И зачем из-за этого секунд-хенда мучиться. Профессор совсем дура, требовал ещё и цитировать на зачёте. А я ему рэпом по башке, чтобы отстал. А он мне в ответ: «Реп этот поизотрётся со временем, отшлифуется и тоже станет фольклором, если повезёт». Он утверждает, что только фольклор выживает. А я ему: «Так Гомер же сохранился?». А он мне: «Фольклор – ваш Гомер». А я ему: «А Шекспир?». А он: «Тоже фольклор, значительно поистёршийся уже. Вот вы его не читали, а о Ромео и Джульетте мне хоть сейчас перескажете. Чистейшей воды фольклор». «А может быть, тогда и вы фольклор?» – вырвалось у меня, нахамил малость. Думал, выдворит до пересдачи. А он так чуть ли не грустно. И смотрит как-то пристально: «К сожалению, у меня слишком мало оснований стать частью фольклора. Своё уже протранжирил, а у вас это время есть. Так что дерзайте». Сумасшедший какой-то, ещё и зачёт поставил. Вот и мы с тобой, брат, в этом окопе фольклором станем, обязательно станем, если повезёт. Прав был профессор, что цитировать заставляя.